

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

СЕКРЕТАРЬ
ПАЛАЧА

Валентина Алексеевна Савенко

Секретарь палача

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26351990
Секретарь палача: Роман: Альфа-книга; Москва; 2017
ISBN 978-5-9922-2508-2

Аннотация

Когда Арлину, осужденную за покушение на жизнь мага, навещает незнакомец и предлагает стать своим секретарем, она соглашается. Выбор очевиден: вместо смерти на эшафоте – возможность начать жизнь заново. А то, что внезапный благодетель – палач, не страшно. Какая разница, для кого заваривать чай и разбирать бумаги? Но все не так просто. Смертельные случайности следуют за палачом по пятам. Да и сам он, похоже, имеет не один скелет в шкафу. Кто он на самом деле? Как связан с тем, что происходит в столице? Подскажет эхо прошлого и сердце. Но девичьи сердца часто ошибаются, а эхо искажает реальность.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валентина Савенко

Секретарь палача

Глава 1

Карие глаза в прорезях алой полумаски сузились, выдавая нетерпение сидящего напротив мужчины. Это единственное, чем палач показал свою заинтересованность в моей персоне.

Я, продолжая разглядывать неожиданного визитера, незаметно проверила маскировку на своей ауре. Все на месте. Верхний слой, превращающий меня в человека, переливается стандартными для смертной радужными цветами. Нижний, изменяющий мою истинную сущность, – яркий, огненный. Он нужен на случай, если кто-то догадается, что я – нечеловек, и снимет фальшивую ауру. Второй слой сорвать практически невозможно, по крайней мере, не человеку. И даже не каждому магическому существу это под силу. Меня же навестил человек, могущественный маг, скрывающий уровень своей силы и позволивший, чтобы я догадалась об этом.

Плохо, очень плохо!

До того, как дверь моей камеры открылась и внутрь вошел худощавый шатен в алом плаще и маске палача, у меня была надежда, что я выберусь из переделки живой и прак-

тически здоровой. Теперь, когда мне позволили оценить его силу, шансов на спасение не осталось. Еще пара минут, и он проникнет под маску благовоспитанной месс¹ и наткнется на сияние нечеловеческого существа.

Правду говорит примета, что нельзя праздновать победу заранее!

После суда, где меня единодушно признали виновной, и визита палача оставалось тихо радоваться, что уровень силы здешних магов не позволяет понять, *что я такое*.

Захолустье мною выбрано не случайно, чтобы исчезнуть. Во-первых, далеко от столицы, и вероятность встретить знакомых равна нулю. Хотя это скорее предосторожность, некая привычка скрываться. За двадцать лет даже в памяти вампиров и фениксов события стираются. Во-вторых, здесь ничего не происходит. То есть не происходило до недавнего времени. И, в-третьих, сюда отсылают не самых умелых магов, следуя принципу «ну что может случиться в таком болоте?».

Я снова исподтишка посмотрела на гостя, восседающего на единственном табурете. Небрежно стянутые черной лентой на затылке волосы, алая полумаска закрывает лишь часть лица, высокий лоб, упрямый подбородок, резко очерченные губы, цепкие карие глаза.

Уверена, мой гость привлекателен и прекрасно знает об этом.

¹ **Месс** – вежливое обращение к женщине или девушке недворянского происхождения, престолюдинке. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Полю длинного алого плаща распахнуты и открывают добротный дорожный костюм из оленьей кожи, достаточно простой, нет ни вышивки, ни тиснения на куртке и сапогах. В таком удобно путешествовать, не привлекая лишнего внимания.

Окружающие догадываются, что перед ними вельможа, но кто именно – неизвестно, и предусмотрительно сторонятся. Ведь путник может оказаться и князем вампиров, и одним из младших принцев оборотней, или кем похуже.

На поясе моего гостя типичное для палачей оружие – свернутый кольцом кнут и короткий меч. Третий атрибут представителей его профессии – кинжал – спрятан за голенищем сапога. Обычно палачи не выставляют оружие на обозрение, умело скрывая его под одеждой, но сейчас мне специально его продемонстрировали.

Палач говорить не спешил, изучал.

Я прекрасно знала, что он видит: совершенно непримечательной наружности месс, которой можно дать и двадцать пять, и тридцать пять, и сорок лет. Пепельную блондинку с редкими волосами тусклого мышинового цвета, собранными в тугую пучок. Девушку с невыразительными прозрачно-голубыми глазами, белесыми ресницами и кустистыми бровями, с поблекшей, сероватой кожей, бледными губами. Ту, которая прячет свою худобу под темно-серым платьем с воротником-стойкой и изрядно поношенными, но чистыми кружевами; кутающуюся в старую потертую шаль, накинутую на го-

лову, потому что в тюремной камере холодно, как в погребе. Приличная месс, каких тысячи, увидишь и не запомнишь.

Над своей внешностью мне пришлось изрядно поработать при последнем возвращении. От настоящей меня осталось немного. Желание вернуть свой истинный облик и посмотреть, как я изменилась за прошедшие годы, возникало постоянно, но я вспоминала, чем сопровождался процесс, и делала выбор в пользу тускло-серой версии *не-меня*. Этот облик дался мне большим трудом, но оно того стоило – почти двадцать спокойных лет. Вполне прилично оплачиваемая должность библиотекаря. Маленький флигель.

И если бы не Мисса...

Я ни о чем не жалела и, попадись мне ессир² Зосли сейчас, поступила бы точно так же. Никогда не считала себя кровавадной. Даже когда другие на моем месте давно бы убили, я держалась... Пока не услышала шепот эха на том перекрестке. Я опоздала...

– Месс Гвен Кили?

Я согласно кивнула. С этим именем уже свыклась, почти забыла настоящее, имя рода даже мысленно боялась вспоминать, слишком много боли оно мне принесло.

И тут я почувствовала, как чужая магия проникает под первый щит.

Сопротивляться было бесполезно – палач явно знал, что

² **Ессир** – вежливое обращение к мужчине или юноше недворянского происхождения, простолюдину.

я нечеловек. Пока он, просочившись под мою маскировку, изучал, что ему попало, я терялась в догадках. Он не уничтожил щит, превращающий меня в человека, не вызвал солдат, чтобы засвидетельствовать раскрывшийся обман. Почему? Для него я преступница, которой вынесли приговор и которую собираются вскоре повесить.

К чему этот заинтересованный прищур карих глаз?

Ожидание было невыносимо, и я решила немного послушать палача, – эхо прошлого, вопреки бытующему мнению, оставалось не только на предметах, зданиях и других неподвижных и подвижных объектах, но и на людях, и животных. Просто оно было слабее, и не каждый мог его услышать.

Для полного погружения мне было необходимо закрыть глаза, но пристальный взгляд палача, продолжающего изучать мой щит и скрытую под ним фальшивую ауру, вынудил меня пойти на небольшую хитрость. Я потерла пальцами виски и ненадолго прикрыла глаза ладонью. У меня была всего пара секунд, потом мой гость заподозрит неладное.

Самым четким было последнее эхо – палач беседовал со своим коллегой, которого я видела раньше. Тот был искренне удивлен расспросами, касающимися меня, безродной библиотечарши, отвечал быстро и подробно, из чего я сделала вывод, что мой палач – отнюдь не простолюдин и выше собеседника по должности. Как всегда, эхо исказило голоса, украдо слова, но разговор был не так давно, поэтому мне удалось примерно его воссоздать.

Палач оказался тут не случайно. Кто же его прислал? Неужели я зря надеялась, что время поможет и обо мне забудут? Неужели *Он* нанял палача? Мой гость решил подзаработать? Вероятно, и у дворян бывают плохие времена.

Палач из высшего сословия, и в этом я не сомневалась. Осанка, разворот плеч, выверенные жесты... Чтобы избавиться от этого, нужно приложить уйму усилий, практически сломать себя. Но сидящий напротив мужчина не скрывал своего происхождения.

И тут я совершила глупость. Попытавшись проверить догадку, продвинулась в глубь времени и, оценив услышанное, густо покраснела. Опять влезла не в свое дело. Несмотря на двадцать лет, проведенных среди людей простых, не склонных делать из личной жизни тайну более того, чем требовали приличия, я все же считала, что на то она и личная, чтобы не совать туда нос.

– Ну что, интересно? – В голосе палача прозвучал сарказм и холодный интерес.

Я испуганно вскинула глаза, понимая, что выдала себя. Осталось выяснить насколько. Подобные мне часто встречались среди огненных и ледяных, и таковыми являлись почти все белые. Я снова проверила щиты – оба были на месте. Верхний слегка смещен вмешательством мага, нижний цел. Сдержать вздох облегчения оказалось не просто, пришлось нервно потереть кончик носа.

– Итак, вы, месс, только что подслушали мою ссору с лю-

бовницей. Понравилось? – цинично осведомился палач, вытаскивая из кармана напоминающий брошь амулет.

Я сконфуженно отвела взгляд. Любовница моего гостя в выражениях не стеснялась, даже эхо не смогло сделать ее богатый лексикон менее насыщенным и выразительным. Очевидно, женщина брала уроки красноречия у портовых грузчиков. Хотя, если судить по вежливому и сухому обращению самого мужчины, она являлась трисс³ – дворянкой. Я узнала имя своего гостя – Иден. Оно показалось мне знакомым. Но вспомнить, что я слышала о палаче с таким именем, не смогла.

– Итак, сейчас вы, месс, подробно расскажете мне, что на самом деле случилось в доме ессира Зосли. – Палач положил амулет на стол. – Не стоит лгать. – Он легким прикосновением пальцев активировал защиту, закрывая нас магическим пологом, теперь никто не сможет подслушать разговор и остаться незамеченным.

Немного подумав, я решила, что хуже от моего рассказа, не раз записанного слугами правопорядка и принятого за попытку оправдаться, уже не будет. А вот время я выиграю и, возможно, пойму, зачем палачу понадобилась библиотекарша из захолустного городка. Мой гость не из праздного любопытства просил изложить мою историю. Он знал, что я слушала эхо, и теперь в курсе его интереса. Этот разговор

³ **Трисс** – вежливое обращение к женщине или девушке дворянского происхождения, высшего сословия.

должен расположить меня к нему, дать надежду. Надежду на что? На спасение? Вряд ли.

Он знает о моей нечеловеческой сущности и, конечно, внесет коррективы в исполнение приговора. Не будет никакого повешения, меня убьют специальным кинжалом, тем самым, который палачи носят за голенищем сапога. Меня лишат возможности вернуться, и на этот раз смерть не будет спасением.

Именно этому и учили палачей – убивать любое магическое сознание, даже то, которое нельзя уничтожить обычным способом. Не важно, кто оказался на скамье подсудимых, архивампир или феникс – приговор будет приведен в исполнение.

Если с местным палачом, вчерашним выпускником академии, у меня был шанс на спасение, то сейчас я могла только молиться предкам и думать о том, что смерть будет быстрой. Но так как предки меня никогда не слышали, я решила не впадать в истерику раньше времени и для начала посмотреть, что сделает палач после моего рассказа.

– Ну, что же вы молчите? – язвительно спросил палач. – Или мне напомнить, как вы хладнокровно зарезали ессира Зосли?

Будь я тогда действительно хладнокровной, сейчас не сидела бы в камере, а мерзкий маг не скалил бы зубы на заседаниях суда, радуясь, что у него есть знакомые вампиры, согласившиеся вернуть его обратно.

Они же вернули Миссу.

Я не успела, девочка была мертва, а бесценные минуты упущены. Надеюсь, Мисса уже далеко, вместе со своими трусливыми родителями. Хорошо, что удалось откупиться от вампира, ее воскресившего. За сходную цену он зациклил свою связь с низшей на ней же. Теперь Мисса сама отвечала за свои поступки и не слышала зова хозяина.

На это ушли все мои накопленные за двадцать лет сбережения, о чем я ни капельки не жалею.

– Итак, вы убили ессира Зосли? – повторил вопрос палач с заметным раздражением.

– Да, – равнодушно кивнула я, чувствуя поднимающееся в душе отвращение. Будто подняв нож на мага, сама испачкалась в тех мерзостях, что он творил в подвалах своего дома, прикрываясь лицензией.

Судебные разбирательства шли месяц, в течение которого я пыталась оправдаться в первую очередь сама перед собой. И не смогла. Зосли был убийцей, я – тоже.

Его оправдали, родители Миссы задним числом написали разрешение на обращение на тот момент несовершеннолетней дочери, а маг всего лишь предоставил свой дом для этого мерзкого действия, и суду этого хватило. Я же так и осталась убийцей. И факт, что Зосли относительно жив, никого не волновал.

– И вы так просто с этим соглашаетесь? – В голосе палача проскользнули нотки удивления.

– Да.

– Так что же все-таки произошло в его доме?

– Вы умеете считывать направленные на вас образы? –

осведомилась я, понадеявшись на чудо. Ни судья, ни местный палач, ни маги таким умением похвастать не могли. А вдруг мне повезет, и не нужно будет рассказывать то, что словами не передашь.

По губам палача зазмеилась хищная улыбка. Остается сочувствовать местным хранителям правопорядка, потому как, подозреваю, названное умение входит в их обязанности. По правде сказать, никакого сострадания я не испытывала – месяц в тюрьме не прошел даром. Высокого мнения о себе были обитающие здесь ничтожества. Предел их мечтаний – теплая должность и власть над горсткой заключенных, половина которых сидела тут за долги, а другая – за пьяные драки. И только я была *настоящей* преступницей, за что удостоилась лицезреть начальника тюрьмы ежедневно и слушать его нотации о пользе раскаяния для будущих воплощений. А после его ухода не избежать было неллицеприятных высказываний в свой адрес от несущих караул стражников.

Про судью и мага я вообще умолчу. Они были целиком и полностью на стороне неудачно убитого мною мага. Их стараниями мерзавец расхаживал по городу, распуская обо мне отвратительные слухи.

Претензий у меня не было только к молоденькому палачу – он не успел надышаться местным воздухом и точно сле-

довал инструкциям. Для него я была делом № 17/1.

– Безусловно, я могу считать образы из вашей памяти.

– Звуки, – поправила я, отмечая, что в карих глазах собеседника промелькнуло удивление.

Я родилась такой. В отличие от других детей, в моей памяти оставались не яркие картинки, а завораживающие, насыщенные звуки. Отец говорил, что это связано с даром тех, кто слышит эхо прошлого. Именно шорохи, вздохи, шум, шелест – это краски, расписывающие мысленные образы особыми цветами.

– Приступим! – Палач снял замшевую перчатку и протянул мне руку.

Вложив ладонь в сильные, слегка мозолистые, привыкшие к мечу пальцы воина, я случайно коснулась массивного золотого перстня с черным камнем. Кожу несильно закололо, магия украшения признала меня не опасной для своего владельца.

Прикрыв глаза, я начала постепенно передавать отпечатавшиеся в памяти образы.

Скрип двери библиотеки, голоса фонарщиков... Стук моих каблучков по ступенькам, шорох юбки, чавканье грязи под ногами... Удивленный, испуганный вздох, что вырвался из груди, когда на перекрестке я услышала эхо... И само эхо – крики дочери моих соседей, Миссы, умоляющей не трогать ее... Мужской голос, заверяющий, что ей понравится в гостях у ессира Зосли... Мое сиплое дыхание, стук сердца...

– Про мага ходили разные слухи, но до того вечера они ничем не подтверждались.

Я открыла глаза, мне нужно было собраться с духом, чтобы показать то, что случилось в доме мага.

– Когда я поняла, куда увели Миссу, меня словно молнией ударило. Но я до последнего надеялась, что ошиблась.

Палач внимательно слушал. На миг мне показалось, что карие глаза в прорезях маски почернели от злости, но мужчина быстро взял себя в руки и терпеливо ждал, когда я продолжу свой рассказ. Что это было? Игра света? Или мой гость действительно разозлился? Но почему? Официально мага оправдали, и перед законом, а значит, и перед палачом, он чист.

– Месс! – Очевидно, терпение мужчины подошло к концу. Сжав пальцами мою ладонь, он приказал: – Показывайте!

Сглотнув вязкую слюну, я начала медленно воскрешать в памяти события того вечера.

Нервный стук в дверь, сердитое заявление дворецкого, что хозяин занят... Эхо криков Миссы, в них столько ужаса и боли, что хочется самой закричать... Гулкий удар и шипение старика, рискнувшего не пустить меня внутрь... Стук каблуков, протяжный скрип двери подвала, удивленный возглас мага... И мой пронзительный крик, в котором было слышно мою птицу, когда я поняла, что опоздала, что время ушло, и теперь Миссу не вернуть... Тихий клекот и звон стали, шорох оседающего на пол тела и едва слышный звук падающих

на мраморные плиты капле крови с ритуального ножа, которым маг убил девочку, а я его...

– Если вам будет легче, ессира Зосли отослали в поместье его господина. Вампир, его вернувший, решил, что ему необходим слуга для чистки отхожих мест. – Палач всмотрелся в мое лицо. Похоже, моя искренняя радость его вполне устроила. – Вампир не знал, кем является его знакомый на самом деле, а убивать низших у них не принято. Мисса тоже не останется без поддержки. Вернувшие ее лэры⁴ решили определить девушку в закрытый пансион. Ваши деньги они перевели на ее счет в банке.

Отличные новости! Мисса получит хорошее образование и шанс чего-то добиться в жизни, а мои деньги ей помогут. Маг проведет свою долгую жизнь низшего за чисткой нужников. Вампиры оказались хорошими ребятами, хоть и скрыли, что являются высшими с дворянскими корнями.

А что, если именно из-за них я сейчас разговариваю с палачом? Не смогли освободить меня и решили помочь безболезненно уйти в мир иной? Хотела бы я знать, что будет делать палач, получивший вместо нежной месс – меня...

– Вы умеете заваривать чай? – Палач был серьезен. Не похоже, чтобы ему нравились глупые шутки.

Меня раздражало, что из-за кольца я не могу полностью увидеть его ауру. Только абрис вполне человеческой формы.

⁴ **Лэр** – вежливое обращение к мужчине или юноше дворянского происхождения, высшего сословия.

А в начале нашего разговора он не был закрыт. Тогда я побоялась внимательно разглядывать, надеялась остаться в его глазах человеком.

Так же как и в случае с силой, ауру мне увидеть позволяли.

То, что артефакт еще и закрывает палача от особо любопытных магов и нелюдей, меня не удивило, – когда рядом живет столько рас, половина из которых нечисть, это вполне оправдано. Не удивлюсь, если кольцо защищает палача и от ментального воздействия.

– Месс? Так что с чаем?

Я неуверенно кивнула, подозревая, что это какой-то извращенный розыгрыш. Может, у палачей принято издеваться над приговоренными преступниками. Ведь никто мне чай в камеру не принесет, и тем более не позволит его заваривать. Заключенным положен безвредный ромашковый настой для спокойствия, разведенный бережливыми тюремщиками до состояния бледно-желтого кипятка.

– А кофе? – не унимался мужчина.

– Если очень нужно, то могу научиться.

– Как у вас обстоят дела с бумагами? – продолжал абсурдный допрос мой гость. – Сможете отсортировать корреспонденцию по степени важности?

Пожала плечами, не понимая, зачем все эти глупые вопросы.

– Научитесь? – В голосе палача снова послышался раздра-

жающий и нервующий меня сарказм.

– Если будет необходимо. – Меня так и подмывало использовать против него природное очарование. То, что я нелюдь, он знал, так что скрывать свои способности не было смысла. Останавливали мой нынешний внешний вид и охрана за дверью. Вряд ли стража поверит, что палач неожиданно воспылил нежными чувствами к месс-мышь, как меня тут прозвали за глаза.

– Последний вопрос: что за жуткий облик вы выбрали?

– Что вы себе позволяете?! – гордо вскинув голову, я провела пальцами по тонким бесцветным волосам. В общем-то, я к этому облику привыкла. Окружающие считали меня по своему привлекательной, и мужчины в том числе.

– Вы жить хотите? – насмешливо разглядывая меня, спросил палач.

– Странный вопрос. – Надежда робко подняла голову в моей душе. Вдруг он сможет вытащить меня из передраги? Но что Иден попросит взамен? Все в этом мире имеет цену. В прошлый раз я поняла это слишком поздно. – Что вы хотите?

Палач задумчиво покрутил перстень, взял со стола перчатку, неторопливо надел.

Я не понимала, зачем ему понадобился возрождающийся из пепла, успокаивала себе тем, что мужчина не знает, что вторая аура, яркая, сочная, тоже маскировка. С каждой секундой, что палач медлил с ответом, волновалась сильнее.

Представляла ужасы и мерзости, которые мне могли предложить. Понимала: соглашусь, потому что смерть на этот раз будет окончательной. А я, по меркам своего народа, еще слишком юная, чтобы смиренно принять неизбежное и отправиться в путь по темным мирам.

– Мне нужен секретарь.

Я замаскировала второй за вечер вздох облегчения негромким кашлем.

– Вы согласны? – спросил палач, усаживаясь на жесткий лежак рядом со мной.

– Что нужно делать?

– Для начала – умереть.

Я подавилась возмущенным вздохом.

– Здесь умереть, – прошептал мне на ухо мужчина, наслаждаясь реакцией. – Итак, месс, слушайте внимательно...

Следующие два дня я провела, как в тумане. Было до дрожи в коленках страшно. Сдержит ли палач слово, ведь найти секретаршу не так уж и сложно! Зачем я ему? Успокаивала себя тем, что он не сообщил страже о раскрывшемся обмане – меня по-прежнему собирались повесить.

Ночь перед казнью я провела, сидя на лежаке и глядя в темноту. Как только за окном забрезжил рассвет, сосредоточилась на своей птице. Услышав довольное курлыканье, старательно ощупала шею, убедившись, что костная ткань перестроилась, и теперь позвонки и трахея как следует укреплены. Распустила волосы, в который раз пожалев, что не оста-

вила свои, густые, накинула на голову шаль и завязала концы вокруг шеи. Палач, конечно, попросит ее снять, но мне это и нужно. Шаль останется висеть на шее и отвлечет палача от того, что скрыто под моей кожей.

Едва часы на тюремной башне пробили семь, как в мою камеру вошли солдаты и одетый в алое палач – не Иден, местный. Я легко разглядела под соответствующей чину полумаской мальчишеское лицо с розовыми следами от угрей.

Положенную мне последнюю трапезу принесли еще вечером, но я не смогла заставить себя съесть ни кусочка. Ограничилась бокалом вина, кислого, с неприятным привкусом грязной посуды, но для тюрьмы очень даже неплохого.

Так что сегодня причин медлить не было.

Под конвоем меня сопровождали по мрачным коридорам и вывели во двор, где находился эшафот.

Порывы ледяного северного ветра раскачивали веревку с петлей, забирались под тонкое платье, заставляя зябко потирать руки и сожалеть, что месяц назад мне не пришлось в голову накинуть хотя бы плащ. Для дождливой осени было бы в пору. Зато сейчас, в начале зимы, не пришлось бы пританцовывать на месте, пока палач разбирался, куда дели приставную лесенку, по которой нам надлежало подняться.

Сознание абсурдности ситуации не давало скатиться в панику. Мою шею сейчас не так просто сломать, но всегда есть вероятность несчастного случая. Было бы обидно погибнуть в шаге от свободы и выдать свою нечеловеческую суть, тем

самым подвести себя под вполне настоящую смерть, без возможности вернуться.

Спустя четверть часа меня, окончательно продрогшую, заставили забраться на эшафот с помощью высокой табуретки. К тому времени низкие тучи начали осыпать землю белыми хлопьями мокрого снега, которые, налипая на предметы, превращались в блестящую корку. На ней и поскользнулся мой палач. Злой, с разбитой о край эшафота щекой, он торопливо надел мне на шею петлю, даже не попросив снять шаль. Дождлся, когда судья, предусмотрительно расположившийся в крытой галерее, открывающейся на внутренний двор тюрьмы, прочтет приговор, и дернул рычаг.

Трепыхаясь на натянувшейся веревке, я с трудом поборола страх перед сжимающей горло петлей, закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании.

– Мертва, – едва дотронувшись до моей руки, констатировал тюремный доктор, и я мешком свалилась в обледеневшую грязь.

Пока меня везли на пропахшей тленом тачке в мертвецкую, я старалась вообще не дышать. Во-первых, осталось совсем немного продержаться, во-вторых, доски подо мной пропитались тошнотворным запахом смерти. В тюремном морге состоялась продажа моего «тела» одному из медицинских колледжей – это практиковалось, если у заключенного не было родственников. Меня погрузили в запряженный мулом фургон, и мы покинули тюрьму.

Иден ждал в съемном доме на краю города, куда меня сопроводили, прикрыв чьим-то поношенным плащом. Мужчина снова был в алой полумаске. Едва кивнув в ответ на слова благодарности, он взял мою руку и галантно поцеловал, будто знал, кем я являюсь по праву рождения, заставив меня удивленно замереть с открытым ртом. Потом резко притянул к себе.

– Потерпите, месс, – прошептал прямо в губы. Черные глаза в прорезях маски испугали до мокрых ладоней.

Я запоздало попыталась отстраниться, птица внутри закричала, забилась, но кинжал точно вошел в мое сердце. Мир померк, оставляя угасающее чувство обиды. Как он мог? Вот так, без моего согласия! Последним усилием я развеяла человеческую ауру (две я не смогу удержать) и привязала огненную фальшивку к своим бранным останкам, заставила ее угаснуть. Когда вернусь, все ему выскажу!

Что было первым: яйцо или курица? Если бы меня спросили об этом, я, не задумываясь, ответила бы – яйцо. Потому что каждый раз, возвращаясь, вначале ощущала себя в наполненной энергией скорлупе. Я была крохотной искоркой, которая, разгораясь, вылуплялась из горящего в изначальном пламени яйца.

Едва слабый птенец поднял головку, я первым делом слегка изменила цвет пуха, а потом и оттенок скорлупы. Бушующее вокруг пламя не дало палачу, наблюдающему за возвращением, увидеть момент моего рождения. Я отличалась

от своих огненных сородичей. Их ауру повторяла разгорающаяся с новой силой маскировка, скрывая холодное серебро истинного воплощения.

Птенец, впитывая энергию, быстро рос, принимая свой постоянный облик. Ему очень не нравилось, что я изменила цвет оперения и оттенок искр, сыплющихся с могучих крыльев и длинного хвоста. За двадцать лет моя вторая половина выросла и возмужала, превратившись с едва вставшего на крыло птенца в завораживающе красивую птицу.

Мне очень хотелось узнать, как изменилось мое человеческое тело. Наверняка я уже не подросток, а девушка, увидев которую, никто не вспомнит о Лине. Рискнуть? Жить в измененной оболочке неприятно, все равно что постоянно носить тяжелую железную маску и доспехи. А я пробыла мессмышью почти двадцать лет. В случае чего, я смогу изменить свой вид, пока пламя полностью не погасло.

Хочу быть собой!

Решившись, я отдалась на волю пламени и птицы. Моя вторая половина справилась на удивление быстро, и пришлось поспешно менять детали, потому что мой нынешний облик просто кричал о том, кем я являюсь. Немного золота в волосы, чуть тепла на кожу, никакого серебра и холодных цветов, губы немного темнее. Удовлетворенно кивнув своим мыслям, я слилась с птицей, которой понравилось, что мы не стали менять человеческий облик радикально. В этом не было смысла – я сильно изменилась, от угловатого подрост-

ка не осталось и следа.

Как я это поняла? У подобных мне есть своеобразное шестое чувство, внутреннее зрение, позволяющее оценить состояние обоих воплощений, увидеть птицу и свой облик после возвращения.

Невысокая, с полной, но аккуратной грудью, узкой талией, стройными длинными ногами, копной слегка выющихся светлых волос едва заметного золотистого оттенка; с правильными чертами лица, пухлыми губами приятного алого цвета, карими глазами в обрамлении каштановых ресниц и светло-коричневыми росчерками тонких бровей.

Красивая для человека и вполне обычная для своего народа.

Громкое, нарочитое и слегка насмешливое покашливание напомнило, что я не одна. Буря эмоций захлестнула меня. Сейчас я могла свернуть горы! Или наказать одного не в меру нахального палача, разглядывающего меня с явным мужским интересом.

Мой спаситель все-таки снял маску, и сейчас на меня смотрел привлекательный мужчина лет тридцати с породистым лицом. Одет он был в расшитый золотом камзол благородного кофейного цвета и белоснежную рубашку. На одну бриллиантовую запонку при желании можно было купить дом на окраине столицы. Волосы в этот раз палач не стал стягивать лентой или шнурком, и они темными волнами лежали на широких плечах.

Признав, что мужчина действительно хорош и прекрасно об этом знает, я бегло осмотрела комнату.

Спальня, где я возродилась, была незнакомой и слишком богато обставленной для домика в маленьком городе на окраине империи – шелк, бархат, позолота, инкрустация перламутром, изысканная вышивка. Одно зеркало в золоченой раме над туалетным столиком стоило целое состояние.

Я угадала – палач был дворянином либо очень состоятельным человеком, купившим себе титул.

Спальня была явно женской, и, несмотря на некоторую помпезность, она мне понравилась – настоящий уголок женского счастья. Поражало обилие свечей в витых канделябрах. Я любила живой огонь, а не магические шарики, было в этом что-то домашнее, уютное. На кровати небрежно раскинуто множество подушек с растительной вышивкой. Туалетный столик с изогнутыми ножками и затейливыми ручками заставлен разными женскими мелочами в прозрачной упаковке. Похоже, их купили недавно, очевидно, для меня. Забота была приятной, но и настораживала. Я ведь секретарем к нему нанялась, а не содержанкой.

– Вы, безусловно, очаровательны. – Палач громко кашлянул в кулак, отвлекая меня от многочисленных пузырьков, к которым так и тянулась рука. Все же я слишком долго была месс-мышью, сдерживалась, стараясь соответствовать образу. Честно говоря, такие косметические средства были мне не по карману. – Возможно, вам стоит что-нибудь накинуть,

чтобы не смущаться во время нашего разговора?

Я насмешливо посмотрела на мужчину. Своего тела я не стеснялась – это было бы странно. А если вспомнить, в каком виде мой народ возрождается – попросту глупо. Смерть, знаете ли, редко предупреждает заранее. А вот палачу приходилось тяжело. Обнаженная девушка, разгуливающая по комнате, вызывала желание, и, судя по лицу Идена, это ему не слишком нравилось. Видимо, он рассчитывал на сугубо деловые отношения. Меня это вполне устраивало. Виновато улыбнувшись, я нырнула в гардеробную.

Здесь тоже все было новое, на чехлах платьев даже бирки висели с адресами портных и датой покупки – через две недели после моей казни.

Видимо, гардеробная когда-то была жилой комнатой, потому как я обнаружила два арочных окна, занавешенных плотной бархатной портьерой. Выглянув в одно из них, я села на широкий подоконник и обреченно стиснула пальцами светло-зеленое атласное платье, украшенное белыми нежными кружевами, которое как раз разглядывала... Я снова в столице! Ее озаренные магической иллюминацией улицы я ни с чем не перепутаю. Сверкающая огнями башня Розы на горизонте, далекие шпили императорского дворца и замысловатые силуэты особняков самых влиятельных и богатых аристократов империи возвышались над старой частью города, где и находился дом, куда меня привезли. Там, среди остальных особняков, стоит тот самый, с охраняющими вход

мраморными волками.

...Шум на лестнице, приближающиеся шаги, мой крик...

Первым моим желанием было сбежать, наплевать на договор с палачом и немедленно исчезнуть. Потом я вспомнила, что в ближайшие дни не смогу быстро возродиться, чтобы сменить внешность, а без этого палач найдет меня очень скоро. От мысли, что снова придется умереть, меня передернуло. А затем пришла мысль, что я изменилась, выросла, от маленькой Лины почти ничего не осталось. Мне нечего бояться! Даже если нос к носу столкнусь со своим личным кошмаром, *Он* меня не узнает!

Довольно усмехнувшись, я приложила к себе платье и подмигнула своему отражению. Да здравствует новая жизнь!

Но стоило представить, как Иден везет мой пепел в блокирующей магию коробке через всю страну, мешая возродиться, и желание проучить палача стало непреодолимым. Скоро кое-кто пожалеет, что решил за меня!

Платье идеально подходило для моей маленькой, но весьма болезненной для его самолюбия мести. Атласное, светло-зеленого цвета, подбитое с внутренней стороны белым шелком, оно безупречно село по фигуре. Длинные рукава с кружевными манжетами не смотрелись чопорно, потому что плечи оставались открытыми. Плотный лиф подчеркивал талию и поддерживал грудь, по низу юбки шла кокетливая светлая оторочка. Застегивалось платье на спине, без помощи горничной длинный ряд крючков не одолеть. Этого

палач не мог не знать.

Придерживая лиф платья у груди, я вышла из гардеробной.

– Помогите, пожалуйста! – встала вполоборота, показывая свою спину. Белья на мне не было, а застежка заканчивалась ну очень низко.

Палач потянулся к звонку, и я поспешно добавила:

– Прошу вас! – В моем голосе появились чарующие нотки. Я знала, теперь он звучит для сидящего на обитом зеленым бархатом стуле мужчины патокой, манящей и повелевающей. – Вам же не составит труда справиться со всеми этими крючками?

Я не позволяла очарованию затмить Идену разум, балансировала на тонкой грани, когда мужчина не может сопротивляться, но прекрасно понимает, что это наваждение. Быть марионеткой для властного вельможи – настоящая мука и чувствительный удар по его самолюбию. Жаль, что мои чары действуют недолго.

– Иден, ну что же вы медлите? – слегка усилила обаяние.

Желание в карих глазах сменила злость, на выступающих скулах появился лихорадочный румянец, и палач послушно подошел ко мне и сноровисто застегнул многочисленные крючки.

– Благодарю вас, теперь можете сесть! – благосклонно разрешила я, мысленно прикидывая, куда бежать, когда силы иссякнут и разозленный мужчина обретет способность кон-

тролировать свои поступки. На размышления у меня оставалось всего несколько секунд.

Прикосновение горячих губ к моей шее стало сюрпризом, как и крепко сжавшие талию сильные руки. Вздрогнув от неожиданности, я ждала его реакции – после того как рассеиваются чары, мужчины обычно растеряны, иногда агрессивны. Палач же относительно спокоен, а то, что я только что наблюдала, было последствием моей обнаженной прогулки, отчего я сделала неутешительный вывод: мне подыграли! А значит, маг намного сильнее, чем мне показали в тюрьме. Либо перстень на его указательном пальце создан архимагом.

– Не стоит пытаться меня очаровать, месс, иначе я решу, что вы хотите внести изменения в наш договор.

Мужчина провел носом от основания шеи до уха, обжигая дыханием нежную кожу и уводя от мыслей, что архимаги не станут абы кому делать артефакты такой силы.

– А у нас есть договор? – насмешливо спросила я, наслаждаясь волнующей близостью. Хотелось откинуться назад, поднять руки, зарыться пальцами в волосы Идена.

– Да, осталось оформить ваши документы и внести имя, но я могу отложить это на завтра, если у вас, месс, свои планы на эту ночь.

Меня неохотно отпустили. Обернувшись, я обнаружила, что палач ехидно улыбается, только глаза по-прежнему черные от затопившего радужку зрачка.

Пришлось сесть на бархатный пуф и отвернуться к зеркалу. Иден язвил, но его тело до сих пор было возбуждено нашей близостью, и плотная ткань брюк не скрывала этого, отчего мне становилось жарко и душно даже в достаточно открытом платье. Я всегда была темпераментной, а сейчас, когда эйфория от возвращения моему телу истинного облика еще не улеглась, меня тянуло на подвиги. Хотелось доказать самой себе, что я красива, желанна. В последнем сомнений не было, это и вернуло способность мыслить здраво – вспомнила, с каким недовольством возбужденный палач взирал на мое тело. Мужчина будто презирал самого себя и меня заодно. Ему нужен секретарь, а не любовница! Судя по всему, очень нужен. Надо бы выяснить – почему? И куда делся мой предшественник?

– Не скажете, чем я заслужил столь изысканное удовольствие? – насмешливо полюбопытствовал палач, а я поймала в отражении его изучающий взгляд, полный нескрываемой иронии.

Он еще и спрашивает!

– Вы меня убили.

– Вы – феникс.

– Это не дает вам права меня убивать!

Я вскочила с пуфа, сжала кулаки и сердито уставилась на Идена, усевшегося на стул. Очевидно, ему все же удалось успокоить свое тело. Чего нельзя было сказать обо мне. Чувство эйфории нарастало – мне хотелось наказать несносного

палача. Я ему не нужна? Вот и пусть сидит тут один!

– Месс, сколько лет вы были в измененной форме? – Вопрос настиг меня у резной двери, заставив остановиться, но желание сделать хоть какую-то пакость победило остатки здравого смысла.

– Какая разница? – Дверь не поддавалась, казалось, прилипла к косяку. Присмотревшись, заметила заклинание, не дающее мне уйти.

Ах, так?!

Только собралась разнести мешающее плетение, как меня перехватили рукой поперек живота, и в следующую секунду я оказалась на кровати, обездвиженная.

– Итак, месс, сколько лет? – Палач быстро прикручивал магическими путами мое запястье к резному столбику, удерживая вторую руку.

Я ненавидела быть беспомощной, потому что боялась, что снова не смогу ничего сделать, если кто-то решит причинить мне вред. Внутри испуганно забились птица, мы обе вспомнили то, что считали забытым.

Не позволю!

Ярость застлала глаза алой пеленой, птица и я слились, вспыхнули алые искры, в которых проскальзывало серебро. По привычке замаскировала его.

Удар вышел настолько сильным, что невидимый кулак отбросил Идена к двери. Накатила слабость, последней каплей магии я уничтожила путы и, обессиленная, села. Кружи-

лась голова, в ушах шумело, от эйфории не осталось и следа. Я была слаба, как котенок. И столь же беззащитна. Но палач, который, морщась, поднимался с пола, не спешил нападать. Он выглядел удивленным и заинтересованным. Я его заинтриговала, обычно после возрождения фениксы берегут себя, не пользуются магией несколько недель, потому что это чревато потерей силы.

Меня же приучили не думать об этом, а действовать. Чистой магии во мне было немного, обычно ее хватало на пару ударов или на один, но мощный. Его я и использовала и явно погорячилась, потому что вычерпала себя досуха.

– Никогда не пытайтесь меня связывать! – вытирая наружной стороной кисти бегущую из носа кровь, пробормотала я.

– Посмотрим. – В сужившихся карих глазах был вызов.

Я усмехнулась.

Извиняться этот мужчина не собирался. Хотя он не мог не заметить моего состояния. Решил поиграть со мной и получил по заслугам.

– Так сколько лет вы были *не-собой*? – Протягивая мне батистовый платок с монограммой в уголке «И. Р.», палач не забывал лечить свое пострадавшее при падении ухо. А я неожиданно поняла, что мой спаситель так и не представился.

Глупость, невероятная глупость!

Обрадовалась, что мне помогут, и доверилась неизвестно кому. Где гарантия, что он тот, за кого себя выдает? Успоко-

ив себя тем, что пока мужчина держится вполне достойно, невзирая на мои попытки его совратить, я мысленно прикидывала, что сказать Идену, если он решит выяснить, от кого прятался юный феникс.

– Я жду, – с нескрываемым раздражением напомнил о себе палач.

– Пятнадцать лет. – Соврала, отлично помня, что первые пять лет меня усердно искали под различными благовидными предложениями. Потом объявления о моем поиске появлялись в среднем раз в полгода, и только последние несколько лет ничего не было. Надеюсь, обо мне наконец-то забыли! Но в первое время я была крайне «популярна», а значит, Идену не составит труда сопоставить факты и вычислить, кем я являюсь. Возвращаться в особняк с волками я не собиралась.

– Вас что, мало в детстве пороли?

Я удивленно подняла на мужчину взгляд и почти не вздрогнула, когда заметила, как его глаза стали чернильно-черными. И страсть в этот раз была совершенно ни при чем. Иден был крайне зол и, похоже, серьезно сомневался в моих умственных способностях. Не понимая, о чем вообще идет речь, я пожала плечами и слегка надавила на переносицу, чтобы остановить кровь. То, что лечение потенциальных сотрудников не входит в обязанности мужчины, как и вызов лекаря, я уже поняла.

– Не понимаю, о чем вы?

Глаза Идена превратились в щелочки, меня недоверчиво

оглядели, тихо фыркнули, а потом ехидно спросили:

– То есть вы не знали, что от длительного нахождения в таком состоянии фениксы умирают? Что уже через десять – пятнадцать лет возвращение в истинный облик вызывает вот такую эйфорию, из-за которой можно случайно погибнуть по собственной глупости?

– Что? – Платок выпал из моих ослабевших пальцев. Это не могло быть правдой, иначе отец не настоял бы на таком способе маскировки!

– Не знали? Ну надо же! – Палач громко хмыкнул.

Я едва сдержалась от язвительного замечания – воспитанные лэры так не делают.

– Фениксы не могут находиться в полностью измененном состоянии больше двадцати лет, это их убивает.

То есть еще несколько дней в виде месс-мыши, и я труп?

– Месс, давайте пугаться вы будете потом, – раздражающе спокойно предложил Иден. – Сейчас меня интересуют три вещи: первая – ваше настоящее полное имя, второе – почему вы скрывались и третье – как скоро вы придете в себя и приступите к выполнению обязанностей секретаря?

Я решила последовать его совету, мне нужно было многое обдумать и переосмыслить, а делать это лучше всего в одиночестве. Судя по нетерпению, явственно написанному на лице мужчины, он торопился. Наверняка мое возвращение заняло много больше времени, чем он планировал. Отвечала я односложно и по сути. Чем меньше скажу, тем меньше

вероятность, что потом запутаюсь.

– Арлина Этни.

Имя настоящее – не такое оно редкое, чтобы придумывать себе прозвище. Имя рода – липовое.

Последний представитель этого рода был убит пять лет назад на дуэли, у огненного феникса был буйный нрав, вспыльчивый характер и просто ненормальная, даже для нашего народа, тяга к противоположному полу. На его небольшой дом на окраине столицы претендовали то ли тринадцать, то ли пятнадцать детей. Погибший ловелас охотно давал всем отпрыскам имя своего рода, так что у его поверенного теперь было предостаточно проблем, так как завещание он не написал. Зато оставил весьма своеобразное напутствие: обязал отпрысков носить амулеты, маскирующие ауры, и запретил кому бы то ни было делать исследование на отцовство, в противном случае наследник сразу лишался его имени. Газетчики все пять лет гадали, с чем это связано. Но никому и в голову не пришло, что феникс хотел таким необычным способом увековечить свое имя, став самым плодовитым представителем нашей расы.

Дети у фениксов – величайшая редкость. Наверное, это главная причина того, что мы так малочисленны. Вторая причина – полукровки, они никогда не бывают фениксами, всегда наследуют признаки второго родителя.

Мой ответ Идена вполне удовлетворил. Согласно кивнув, напомнил:

– Почему сбежали и когда приступите к работе?

– Сбежала от жениха.

Судя по объявлениям в газетах, которые для библиотеки исправно выписывали из столицы, каждая вторая невеста только этим и занимается. Будет одной больше!

Обычно фениксы своих детей не принуждают к браку. Но в жизни всякое случается.

Заметив скепсис на лице палача, сразу ответила на последний вопрос, тем самым дав понять, что расспросы о женихе мне неприятны:

– Могу приступить к работе хоть завтра.

– Превосходно! – Иден вытащил из кармана золотые часы, открыл крышку и, глядя на циферблат, распорядился: – Сегодня приводите себя в порядок, отдыхайте. Горничную пришлют. В девять утра жду вас в своем кабинете. Вас зовут Арлина. Никаких фамилий. До завтра.

Спрятал часы, развернулся на каблуках, собираясь уйти.

– Вы бы представились, лэр, а то я даже не знаю, в чьем доме нахожусь! – бросила я вслед.

– Лэр Иден Реган, – донеслось из-за закрывающейся двери.

Прекрасно. Теперь точно есть о чем подумать. Иден Реган был занимательной и таинственной личностью. Полгода назад газеты буквально пестрили статьями с его именем. Скандал тогда случился знатный...

Вспомнив о горничной, которую мне обещали прислать, я

решила отложить размышления и немного послушать спальню, куда меня определили. Не давал покоя скандал Идена с любовницей. Он выгнал трисс из своего кабинета, приказав собирать вещи. Из этого я сделала вывод, что жила она либо в особняке мужчины, либо на квартире, им оплаченной. Судя по наглости – первое. Не хотелось бы оказаться в спальне бывшей фаворитки палача. Понятно, что здесь все меняли, даже купили косметику и одежду, но мне не светило, случайно заглянув в прошлое, услышать стоны своего работодателя и этой хамоватой особы. Если я угадала, то Идену придется меня переселить, потому что работать в таких условиях я отказываюсь!

Прикрыв глаза, я сосредоточилась. Эхо заставило меня улыбнуться и всерьез задуматься.

Комната до недавнего времени была заперта – отголоски прошлого были едва слышны, а те, что двухнедельной давности и позже, не имели никакого отношения к личной жизни палача. Так что я могла спокойно тут жить, не боясь подвоха.

Однако слуги, приводившие спальню в порядок, были недовольны, что лэр собрался привести в дом новую любовницу, к тому же такую легкомысленную и неразумную. Почему они сделали такие выводы, я не знала – эхо исказило и проглотило часть слов. Возможно, это всего лишь домыслы прислуги... или нет.

Конечно же Идена влечет ко мне, а меня – к нему. Глупо спорить и строить оскорбленную невинность. Но чтобы

стать любовниками, нужно согласие двоих, а не решение одного. Иначе это уже принуждение. Последнее вызывало во мне стойкое отвращение и протест, в какую привлекательную упаковку его ни поместили бы.

Правда, стоит заметить, поведение палача в спальне говорило в пользу досужих сплетен и желания слуг влезть, куда не просят. Почему Идену так нужен секретарь? Некому кофе сварить? Или документы не может сам разобрать? Не думаю, что у палача, пусть и не рядового, много корреспонденции.

И вообще, почему феникс? Чтобы украсить интерьер приемной? Ну, так оборотницы и вампириши тоже очень хороши, их народы достаточно многочисленны, не нужно ехать на край империи. Правда, не уверена, что Идена интересовала именно наша раса, скорее уж *нелюди* в целом, а я вовремя попала под руку в таком положении, что отказаться не могла.

Интересно, куда делся предыдущий секретарь?

Надо бы послушать другие комнаты, но я сейчас и с кровати слезть не могу, не то что совершить экскурсию по особняку!

Источник информации пришел ко мне сам. Постучал в дверь и, затопив спальню умопомрачительным запахом свежей сдобы, улыбнулся искренней располагающей улыбкой. А затем водрузил на прикроватный столик поднос, заставленный разными вкусностями, от одного вида которых у меня сразу проснулся зверский аппетит. Звали моего информатора Мелани. Полная румяная женщина лет сорока пя-

ти в аккуратном строгом коричневом платье меньше всего походила на горничную. Ее выдала привычка командовать и совершенное отсутствие страха перед хозяевами, которое, однако, не превращалось в фамильярность или неуважение. Даже эхо слушать не пришлось. Поняв, что я ее раскусила, Мелани призналась: она экономка и извинилась, что не прислала горничную, потому что та неожиданно заболела.

Если бы у меня остались силы, с удовольствием бы послушала эхо – кем все-таки меня считают? Любопытство экономки очевидно, даже горничную ко мне не пустила. Но пока не узнаю подробностей нашего с Иденом договора, ей придется жить в неведении. А вот мне не помешает прояснить пару моментов. Специально спрашивать не буду, но, как мне кажется, экономка сама расскажет много занимательных вещей, касающихся моего пребывания в особняке лэра Регана.

Повздыхав над испорченным кровью платьем (я и не заметила, что испачкалась), Мелани помогла дойти до уборной, дверь в которую была за фальшпанелью, рядом находилась такая же, ведущая в ванную. Потом предложила на выбор: принять ванну и переодеться или перекусить. Внешний вид меня сейчас мало заботил, а вот есть хотелось сильно. Но у меня тряслись руки, и грибной суп-пюре, который женщина принесла в качестве первого блюда, окончательно прикончил зеленый атлас платья.

Чувствуя себя маленьким ребенком, я ела с ложечки, шурилась от удовольствия и, слушая экономку, мотала на ус.

Пока Мелани старалась выпытать у меня подробности нашего знакомства с лэром, я, в свою очередь, пыталась понять, как сложить вместе кусочки, которые удалось выудить из ее жизнерадостного щебета.

Картинка получалась занятная.

Я больше двух недель работаю на лэра, но мое личико до сегодняшнего дня никто не видел, потому что я решила поэкспериментировать с косметической магией. Неудачно. Следы процедуры я скрывала за закрытыми платьями, перчатками, густыми вуалями и шляпками необычного фасона, закрывающими волосы полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.